

Л.Н. ТИМОФЕЕВА *

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАТИВИСТИКА: МИРОВАЯ И РОССИЙСКАЯ ПРОЕКЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается институционализация политической коммуникативистики. Показан многосоставный характер предметного поля политической коммуникативистики. Выделена специфика коммуникативного метода исследования и коммуникативной методологии познания социальных и политических институтов и процессов. В статье обсуждается проблема медиатизации политики, концепт делиберативной демократии и многие другие коммуникативные аспекты политического процесса.

Ключевые слова: политическая коммуникативистика; теория политической коммуникации; институционализация; национальные школы политической коммуникативистики.

L.N. Timofeeva

Political communication studies: World and Russian perspectives

Abstract. The article examines the history and the stages of institutionalization of political communication studies. It demonstrated a synthetic character of this subject field. The article points out species of the communicative method of the research and of the communicative methodology of studying social and political institutes and processes. Problems of the

* **Тимофеева Лидия Николаевна**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и политического управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, вице-президент, председатель Правления РАПН, e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

Timofeeva Lidiya, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА) (Moscow, Russia), Russian Political Science Association (Moscow, Russia), e-mail: timofeeva-lidiya@inbox.ru

mediatization of policy, the conception of deliberative democracy, as well as many other aspects of the political process are discussed.

Keywords: political communication studies; theory of political communication; institutionalization; national schools of a political kommunikativistika.

Политическая коммуникативистика в мировой науке

Политическая коммуникативистика является одним из новых направлений коммуникативистики (коммуникологии) – отрасли знаний, которая институционализировалась в середине XX в.¹

Политическая коммуникативистика – наука, призванная изучать «природу и строение информационно-политической сферы общественной жизни, характерные для нее механизмы и тенденции развития публичных и непубличных контактов, формы эволюции общения правящих кругов и гражданского общества» [Соловьев, 2004, с. 5]. В соответствии со стоящими перед ней задачами она агрегирует знания в области политологии, политической философии, политической социологии, политэкономии, медиаполитологии, политической психологии и других смежных дисциплин и изучает коммуникацию в проекции политических отношений.

Слово communication (от лат. communicare – делать общим, связывать) существует в английском языке с XV в. для обозначения общего процесса сообщения, передачи. В XVII в. его содержание расширяется, включая в себя физические способы сообщения (транспортировки) – линии коммуникации (дороги, каналы, позже – железные дороги). В научный оборот понятие «коммуникация»

¹ Еще в конце 30-х годов XX в. открылись первые курсы по коммуникациям в ун-тах США и Западной Европы. Сегодня там существуют специализации и присваиваются степени MA, MS, Ph. D. по специальностям «communications», «communications management», «communications studies», «mass communications» и т.д. Издается более двух десятков научных журналов, посвященных коммуникации, таких как, например, «Communication Research», «Journal on Communication Inquiry», «Communication Abstracts», «Management Communication Quarterly», «Written Communication», «Human Communication Research» и др. Созданы профессиональные ассоциации: Международная коммуникативная ассоциация; Европейский коммуникативный конгресс (European Communication Congress). По последним данным в Международной коммуникативной ассоциации состоят более 4000 исследователей из 76 стран.

ввел американский социолог, виднейший представитель Чикагской социологической школы США, один из основоположников символического интеракционизма и теории малых (первичных) групп Ч.Х. Кули. В статье «The Significance of Communication» (1909) он назвал коммуникацию средством актуализации «органически целого мира человеческой мысли» [Cooley, 1953]. Кули писал: «Под коммуникацией понимается механизм, посредством которого становится возможным существование и развитие человеческих отношений, – все символы разума вместе со способами их передачи в пространстве и сохранения во времени. Она включает в себя мимику, общение, жесты, тон голоса, слова, письменность, печать, железные дороги, телеграф, телефон и самые последние достижения по завоеванию пространства и времени¹. Четкой границы между средствами коммуникации и внешним миром не существует. Однако вместе с рождением внешнего мира появляется система стандартных символов, предназначенная только для передачи мыслей, с нее начинается традиционное развитие коммуникации» [Кули, 1994, с. 379].

Теория коммуникации складывалась как междисциплинарное направление. Более 20 дисциплин, от математики до этики, исследуют коммуникацию. Неслучайно, по утверждению американского ученого Дж. Андерсона, при анализе содержания только семи учебников по теории коммуникации он насчитал 249 различных концепций [Крейг, 2003, с. 73]. По данным Ф. Данса и К. Ларсона, только в работах американских исследователей можно найти 126 определенных коммуникации [Крейг, 2003, с. 116].

Становление коммуникативистики как науки требует единой общей теории коммуникации. Нуждается в этом и политическая коммуникативистика. Р. Крейгу², профессору университета Коло-

¹ Позже, с развитием новых способов передачи социальной информации – радиовещания (20-е годы) и телевидения (40-е годы), – эти два понятия объединяются для обозначения прессы и вещания, и это новое расширенное понятие и фиксирует, собственно, появление современных mass-media, с их все возрастающей ролью в обществе. Ныне под массмедиа (mass-media) понимают средства массовой информации (СМИ), а массовую коммуникацию рассматривают как процесс передачи информации группе людей с помощью специальных средств – СМИ. При этом появилось новое научное направление – медиаполитология.

² Robert T. Craig / Univ. of Colorado Boulder. – Mode of access: https://sites.google.com/a/colorado.edu/robert_craig/ (Дата посещения: 12.01.2016.)

радо, США, первому редактору-основателю журнала «Теория коммуникации», президенту Международной коммуникативной ассоциации (International Communication Association, ICA) принадлежит идея конструирования единой общей теории коммуникации, имеющей статус особой области знания [Крейг, 2003]. Он предложил диалогически-диалектическую дисциплинарную матрицу, которая напоминает «интерактивный гипертекст, позволяющий рассматривать предмет в мириадах направлений с помощью гиперссылок внутри и на пересечении различных уровней с переходом к смешанным традициям и альтернативным систематизациям, родственным дисциплинам и мультимедийным записям коммуникативных практик, связывающих теорию с практическим метадискурсом» [Василькова, 2004, с. 86].

Однако нас интересует *теория политической коммуникации*. В связи с этим заслуживает особого внимания предложение американского специалиста Р. Мидоу. Он выделил шесть фундаментальных подходов, которые позволяют изучать теорию политических коммуникаций *с точки зрения потребностей государства и общества* [Шейгал, 2004, с. 8–9]: 1) *системный подход* восходит к кибернетике: коммуникация рассматривается в терминах интеракции между элементами системы и связывается с понятием социального контроля; 2) *лингвистический подход*, как и системный, также концентрируется вокруг понятия социального контроля, но уже не с помощью действия, а с помощью особого инструмента – языка; язык рассматривается как средство социального контроля и ограничения доступа к политическим институтам и политическим процессам; сторонники такого подхода утверждают, что социальные акторы, правомочные принимать решения, а также представители политической элиты осуществляют свою деятельность при помощи специфического языка, поэтому власти прислушиваются к их мнениям и требованиям; граждане, не входящие в элиту, не имеют доступа к принятию решений в силу своей ограниченной возможности выражать политические мнения и требования; 3) *символический подход* определяет политику, так же как и коммуникацию, в терминах обмена символами: лидерство осуществляется преимущественно через манипуляцию символами и распределение символических наград; это направление анализирует процесс создания и распространения символов; 4) *функциональный подход* переносит центр тяжести с проблемы социального контроля

на значение коммуникации для политической системы (особенно в сфере массмедиа); помимо поддержания функции социальной стабильности коммуникация выполняет функции социализации (социальной адаптации к нормам политической системы); 5) *организационный подход* представляет правительство как крупную бюрократическую организацию, имеющую те же проблемы и ограничения, что и любая другая организация; анализ концентрируется на внутривластных информационных потоках и акцентирует внимание на факторах, ограничивающих этот поток и дифференцирующих доступ к информации; 6) подход, который Р. Мидоу условно называет *экологическим*, исследует политическую коммуникацию с точки зрения влияния на нее политической системы; политическая система создает среду, в которой формируются институты коммуникации и регулируются процессы коммуникации в обществе в целом (одним из проявлений такого регулирования является осуществление государством определенной языковой политики по отношению к меньшинствам) [Meadow, 1980, p. 24].

По сути дела, в основание теории политических коммуникаций положены как *дескриптивно-эмпирические, так и нормативные и предписывающие подходы*, позволяющие понять, *что есть политические коммуникации в политической системе, каковы их функции и предназначение, как они могут использоваться в различных целях правительством, обществом, институтами.*

Многосоставный характер предметного поля коммуникативистики, всепроникающее существование коммуникации заставили ученых сделать вывод и о *появлении коммуникативного метода исследования и даже особой коммуникативной методологии познания* социальных и политических институтов и процессов, которая позволяет полнее анализировать их существо, например феномен политической власти. Коммуникативная методология включает в себя совокупность таких методов, как концепт-анализ, дискурс-анализ, коммуникативно-сетевой анализ и т.д. На основе коммуникативного метода обсуждаются также и проблема медиатизации политики, концепт делиберативной демократии и многое другое в политическом процессе.

Исследования политических коммуникаций за рубежом начались в начале прошлого года, *однако институционализация политической коммуникативистики еще продолжается.* Выделяются пять этапов становления зарубежной коммуникативистики [Лебе-

дев, 2012, с. 52–59]. Для первого этапа, 1900–1950 гг., характерно активное конструирование социологии коммуникации, где ведущую роль занимали исследования общественного мнения, СМИ, политической пропаганды; на втором этапе, 1950–1970 гг., начинается изучение политических аттитюдов и их изменений под воздействием коммуникации, происходит дисперсия коммуникативных исследований по разным направлениям и методологическим течениям; основной чертой третьего этапа, 1970–1985 гг., является противостояние позитивизма и критического направления коммуникативных исследований, в которых все чаще используется коммуникативный подход к рассмотрению социальных и политических процессов; на четвертом этапе, 1985–2000 гг., в рамках критического направления начинают изучаться вопросы властного воздействия и противостояния ему посредством коммуникации. Для пятого этапа, с 2000 г. по н.в., характерен эпистемологический и методологический плюрализм исследований коммуникаций, в частности смещение фокуса научного интереса в сторону Интернета и виртуальной реальности, где весомое положение начинают занимать исследования электронной демократии, электронного правительства, интернет-плебисцита, социальных сетей.

На становление политической коммуникативистики особое влияние оказали мировые войны, включая холодную и современные «гибридные» войны, а также выборы, в процессе которых осуществляется массированное коммуникативное воздействие на избирателей. Предыстория политической коммуникативистики начинается с Первой мировой войны, когда возник спрос на исследования политической пропаганды [Lasswell, 1927], которая оказалась более сокрушительным оружием, чем пушки. Далее внимание к политической коммуникативистике возрастало по мере усиления интереса к когнитивному конструированию социальной и политической реальности «в пользу» политических элит, бизнеса, различных групп влияния [Lazarsfeld, 1968; *The people's choice...* 1969].

Сам термин «политическая коммуникативистика», равно как и теоретические работы по политическим коммуникациям возникли после Второй мировой войны, в конце 1940-х – начале 1950-х годов. Это был период конституирования политической коммуникативистики. Выделение исследований политической коммуникации в самостоятельное научное направление было вызвано рядом причин: послевоенной волной демократизации; началом холодной

войны; появлением и развитием кибернетической теории, новых коммуникационных технологий и систем.

Существует много определений политических коммуникаций. *Под политическими коммуникациями мы понимаем процесс обмена политическими смыслами в форме знаков, символов, актов и т.д., позволяющих отражать, воспроизводить или конструировать политическую реальность в соответствии с ведущими идеями своего времени и потребностями субъектов политики.*

Считается, что в основу теории политической коммуникативистики легли идеи *бихевиоризма* (Г. Лассуэлл, У. Липпман); *кибернетики* (К. Дойч) и *структурно-функционального анализа* (Г. Алмонд, Дж. Коулман).

Однако есть и другая точка зрения, доказывающая, что становление политической коммуникативистики в отдельных странах обусловлено не только особенностями политической системы и национальной культуры, но и сложившимися предпочтениями в определении методологического инструментария коммуникативных исследований. По мнению немецкого науковеда Г. Лайтко, первым шагом в изучении становления той или иной отрасли знания является установление «прародителей» [Laitko, 1999] исследуемой дисциплины – т.е. других наук или дисциплин, из которых она вышла. И в США, и в Европе коммуникативные исследования сформировались на стыке целой серии дисциплин [Hardt, 1987]. В Германии, к примеру, науками – прародительницами коммуникативистики – *Zeitungswissenschaft* – были история и политическая экономия. Первые немецкие ученые, исследовавшие коммуникации, отталкивались или от исторической, или от экономической методологии [vom Bruch, 1980]. В США коммуникативистика конституировалась преимущественно на основании политической и социальной психологии. Во Франции коммуникативные исследования основывались на философии языка, семиотике и антропологии, а также филологии и эстетике.

Существует и третий взгляд на ее формирование – «синтетический», который указывает на взаимозависимость европейской, североамериканской, азиатских, австралийских и других научных школ коммуникативистики.

Наконец, не надо сбрасывать со счетов большое влияние на развитие исследований политических коммуникаций политической практики, запросы политической и бизнес-элиты, степень их

влияния на науку. Французская школа коммуникативистики складывалась более автономно от государства и бизнеса, поэтому исследователи практически не работали по заказу властей и различных групп интересов, что позволило им разрабатывать общефилософские вопросы коммуникативной теории. Немецкие и американские исследователи, напротив, работали в тесном взаимодействии с политической и военной элитой, а также с бизнесом. Поэтому в немецкой коммуникативистике общим знаменателем стало понятие «публичной коммуникации», в американской – «убеждающей коммуникации», а во Франции во главу угла ставилось более широкое понятие «социальной коммуникации». Если пользоваться терминологией Элиху Катца [Katz, 1984, p. 24–25], можно сказать, что французские коммуникативисты фокусировались на «*смысле*» коммуникации, немецкие – на «*потоке*» коммуникации, а американские – на «*эффекте*» коммуникации. Алекс Макиэли проводит грань между «коммуникацией как передачей данных» и «коммуникацией как участием» [Mucchielli A., 2004]; по его мнению, для французских исследователей характерен акцент именно на последнем типе, в то время как для немецких и американских – на первом. Выявленные различия в становлении и развитии коммуникативистики на уровне отдельных стран позволили провести компаративный анализ политико-коммуникативных школ и процессов их генезиса. Рассмотрим особенности наиболее известных научных школ и их вклад в теорию политических коммуникаций [Лебедев, 2012, с. 61–67].

Американская политическая коммуникативистика началась с эмпирических исследований, с развития количественно-качественных методик анализа. Уже в середине 1920-х годов Гарольд Лассуэлл одним из первых использовал метод контент-анализа для изучения политической пропаганды периода Первой мировой войны (например, в 1925 г. он проанализировал содержание немецких школьных учебников на предмет выявления в них ссылок на национальных военных героев, на вклад Германии в науку, «неполноценность» иностранцев и т.д.), систематизировал свои исследования о сущности пропаганды и политических мифов, а также об использовании контент-анализа в своей докторской диссертации (1926) и монографии «Техника пропаганды в мировой войне» (1927), а позже – в многочисленных публикациях по проблемам пропаганды и контент-анализа середины 1940-х годов.

Основным двигателем развития американской политической коммуникативистики был запрос, во-первых, со стороны, политической элиты, стремившейся получить эффективные инструменты влияния на электорат, во-вторых, со стороны американской армии, желавшей обогатить свой арсенал методиками деморализации вероятного противника, и, в-третьих, со стороны корпораций, желавших оптимизировать методики продвижения своих интересов в медиаполитическом пространстве. Достаточно сказать, что первый в мире исследовательский центр по изучению коммуникаций был организован Фондом Рокфеллера в 1939 г. Наиболее активным участником этого центра был Гарольд Лассуэлл, который в 1939–1940 гг. описал процесс массовой коммуникации в виде односторонней «пятивопросной» модели: Who says? What? To whom? In which channels? With what effects? (Кто говорит? – Что сообщает? – Кому? – По какому каналу? – С каким эффектом?). Правда, опубликована эта «модель» была позже, в 1948 г. [Lasswell, 1948]. Работа Лассуэлла была востребована и государством. В 1940–1945 гг. он служил в качестве руководителя Экспериментального отдела по изучению коммуникаций военного времени.

В целом коммуникативная наука, так же как и направление политической коммуникативистики, формировалась в США на конкурентной основе – в университетах, исследовательских лабораториях и коммерческих структурах, заинтересованных во взаимодействии с государственными органами. В университетской среде выделяется *Колумбийская школа коммуникативистики*, интегрировавшая традиции эмпирических исследований, где рассматривались вопросы формирования политических аттитюдов, а также конструирования инструментов эмпирического анализа медиаполитических процессов. Вместе с учеными из Йельского и Принстонского университетов эта школа сконструировала инструменты, изучавшие влияние массмедиа на общественное сознание [Barton, 1982], что впоследствии вылилось в разработку ряда политологических и социологических теорий. *Чикагскую школу* интересовало изучение медийных организаций, исследование новостей и социологических профилей людей, работающих в СМИ [Dennis, 1978]. Свои школы политической коммуникативистики сформировались в 1940-х – 1950-х годах в *Стэнфорде*, *Висконсине* и *Миннесоте*.

В 1955 г. в США создается международный журнал коммуникативистов под названием «Газетт», поставивший своей задачей сравнительное изучение информационных средств связи в различных странах. Через 50 лет, в 2005 г., он был преобразован в Международный коммуникационный вестник.

Если говорить о вкладе американских научных школ в становление политической коммуникативистики, то следует отметить теорию политической пропаганды (Г. Лассуэлл); концепцию стереотипизации политического сознания в СМИ (У. Липпман); концепцию восприятия информации в условиях избирательных кампаний через авторитетных лидеров общественного мнения (П. Лазарсфельд); кибернетическую концепцию политической коммуникации (К. Дойч); концепцию «петли обратной связи» между политической и социальной системами (Д. Истон) и концепцию функции коммуникации на входе в политическую систему (Г. Алмонд); концепцию «мягкой власти» Дж. Ная и др.

Германская политическая коммуникативистика первоначально выбрала путь теоретического моделирования и качественного анализа медиаполитических процессов. Во времена Веймарской Республики (1919–1933) в немецкой коммуникативистике доминировали феноменологический и исторический подходы. Первыми исследователями общественного мнения, СМИ и политической пропаганды в Германии были Ганс Трауб [Traub, 1928], Эрнст Манхейм [Mannheim, 1933] и Герхардт Мюнцнер [Münzner, 1928], которые импортировали в политическую коммуникативистику идеи социальной и политической философии.

С 1933 по 1945 гг., с утверждением нацистской диктатуры, немецкая коммуникативистика испытала на себе сильное влияние идеологии. В дальнейшем, после Второй мировой войны, как подчеркивает Х. Гардт, стремясь избавиться от нацистского прошлого, немецкая политическая коммуникативистика в итоге выбрала исключительно позитивистский путь развития [Hardt H., 2002]. Исследователи наложили негласное табу на обсуждение аксиологических вопросов, пытаясь обезопасить дисциплину от новых идеологических инфильтраций. В начале 1960-х годов немецкая коммуникативистика активно заимствовала американские подходы [Meuен, 2007], во многом основанные на психологии и эмпирических методах. В 1980-х годах в немецкую политическую коммуникативи-

стику была инкорпорирована традиция культурологических исследований [Loblich, 2007].

В мировой перспективе наибольший вклад в конституирование политической коммуникативистики внесла Франкфуртская школа (но не в самой Германии, из-за «левой» ориентации направления), представляющая ветвь критической философии. В теории политической коммуникативистики эта школа внесла представление о политической власти как коммуникации (Ханна Арендт), понимаемой не как сила, а как авторитет, возникающий в результате коллективной коммуникации и убеждающего воздействия; теорию коммуникативного действия (Юрген Хабермас), где понятие коммуникации включает не только процесс передачи и приема информации, но и такие социальные феномены, как рациональность, этика и свобода, а также представление о дискурсе как средстве социализации и достижения консенсуса в обществе, коммуникационное понимание публичности и демократии, выраженное, в частности, в концептах «демократии обсуждения» или «делиберативной демократии».

Особое место в немецкой коммуникативистике принадлежит Никласу Луману, который доказывал, что *власть есть символически генерализированное средство коммуникации современного общества, которое постоянно осуществляет выбор из представленных правящей элитой альтернативных кодов* [Луман, 2004].

Французская политическая коммуникативистика формировалась на базе лингвистических исследований и политической философии, но затем перешла к прикладным исследованиям [Puustinen, 2005], опираясь на политическую науку и социологию СМИ [Albert, 2001, p. 35–41; Gritti, 1999, p. 21–42; Mercier, 1999, p. 219–235].

В этой стране коммуникативистика получила название «науки об информации и коммуникации». «Это сочетание позволило удовлетворить интересы сразу нескольких групп исследователей, не занимая какой-то конкретной позиции относительно эпистемологии данной отрасли» [Escarpit, 1977].

Основателем французской коммуникативистики считают профессора Робера Эскарпи, создавшего при университете Бордо научные подразделения, исследовавшие коммуникативную проблематику; позже эти структуры были скопированы другими университетами. Он добился от французских властей признания ком-

муникативных исследований в качестве самостоятельной учебной дисциплины и отрасли научного знания. Кроме того, французские власти планировали реформировать образовательные программы многих университетов, чтобы те смогли начать готовить специалистов по работе с политической и социальной информацией, способных выполнять задачи, которое поставило бы конституировавшееся «информационное общество» [Miège, 1995].

Эскарпи работал совместно с Роланом Бартом и Жаном Мейриа. Р. Барт, в свою очередь, взаимодействовал с французскими социологами Жоржем Фридманом и Эдгаром Мораном в рамках Центра исследования массовых коммуникаций (CECMAS), основанного в 1962 г., и Высшей школы социальных наук (EHESS). Таким образом было скрещено несколько направлений – семиотика (Р. Барт), социология труда и досуга (Ж. Фридман), социология поп-культуры и кибернетика (Э. Моран).

Помимо конструирования социальной теории французские ученые занимались эмпирическими исследованиями, в том числе анализируя политические и социальные настроения в сети Minitel, считающейся французским «прообразом» всемирной паутины [Rincé, 1990]. На этой проблематике специализировались эксперты лаборатории социальных наук в Национальном центре телекоммуникаций (CNET), в 1983 г. они основали французский журнал «Reseaux», ставший одним из столпов французской коммуникативной науки.

Для политической коммуникативистики особое значение имеют концепция «габитуса» или системы приобретенных схем восприятия и оценивания, позволяющих обеспечивать взаимную коммуникацию в обществе, а также концепция символической власти, символического насилия и символического капитала в поле массмедиа П. Бурдьё; концепция власти как текста и политики как кодифицированных знаков, развертываемых при помощи акта высказывания в социально-семиотическом процессе, – дискурсии Р. Барта и др.

Политическая коммуникативистика развивалась также и в других регионах мира. В Азии, Африке и на Ближнем Востоке подобные исследования начались сравнительно недавно, в фокусе внимания местных ученых оказалась проблематика коммуникативного аспекта трансформации политических режимов. В Новой Зеландии были проведены исследования коммуникаций в органах

власти, в Австралии проделана значительная работа по культурологическому изучению политических коммуникаций.

Российская политическая коммуникативистика: Состояние и проблемы

В России понятие «коммуникация» появилось среди 503 иностранных «вокабул» в первом рукописном словаре иностранных слов «Лексикон вокабулам новым по алфавиту», правленом лично Петром I. Слово это означало «переговор, сообщение». Словарь отражал новые социально-политические реалии допетровской и петровской поры¹. Больше века спустя в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1881) слово «коммуникация» толковалось как «пути, дороги, средства связи мест». До революции других значений за ним не значилось.

Русские революции начала XX в. дали толчок изучению и практическому использованию такой формы коммуникации, как политическая пропаганда и агитация.

Термин «коммуникативистика» как общее название совокупности научных дисциплин, изучающих социальные коммуникации, вошел в обиход российских обществоведов сравнительно недавно – в 1990-е годы в связи с выходом в свет книг Л.М. Земляной «Современная американская коммуникативистика» (1995) и «Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества. Толковый словарь терминов и концепций» (1999). До этого, в 1960–1970-е годы, речь шла только о коммуникациях, да и то в усеченном виде. Автор уверенно заявлял, что в середине XX в. в США формируется новая наука, изучающая системы средств и гуманитарных функций массовых информационных связей, которую по аналогии с журналистикой можно было бы назвать *коммуникативистикой*.

Несмотря на то что серьезное изучение коммуникаций как таковых стало интенсивно развиваться лишь недавно, отечественные традиции изучения языка общения, средств массовой информации, речевой деятельности довольно глубоки. На это справедливо обращает внимание автор первого в стране учебника «Социология

¹ Издан был словарь только через 200 лет.

коммуникации» В.П. Конецкая, отметившая три направления исследований: языковое, социальное и собственно коммуникативное [Конечкая, 1997, с. 13–17]. Большой вклад в изучение феномена общения, культуры языка, семиотики внесли такие выдающиеся российские ученые, как М.М. Бахтин, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Ю.М. Лотман, Р.О. Якобсон и др.

Исследование собственно политических коммуникаций в советский период было связано с изучением политической информации и пропаганды, которые противопоставлялись «реакционной буржуазной науке о массовой коммуникации и средствах массовой коммуникации» [Буданцев, 2005]. Термины эти использовались учеными по преимуществу в критическом аспекте – для сопоставления по образцу «у них и у нас». Как подчеркивает В.М. Березин, проанализировавший библиографию по коммуникативистике в советский период, отношение к ней действительно было настроенным. Это соответствовало основному принципу партийно-советской печати, заложенному еще В.И. Лениным. Газета (как самое популярное периодическое издание тех лет) должна была выступать не только коллективным пропагандистом и агитатором, но и коллективным организатором, а журналистская работа являлась «частью партийного дела пролетариата». Неслучайно в реферативных сборниках, выпущенных Институтом научной информации по общественным наукам, устойчиво сохранялся термин СМПП – «Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1978–1980 гг.» и «Средства массовой информации и пропаганды. Советская литература 1980 г.». В приведенных там списках литературы лишь в семи из 234 работ в названиях использовался термин «коммуникация» [Березин, 2003].

И все-таки на короткое время изучение коммуникаций в Советском Союзе было легимитировано – на излете оттепели, в середине в 1960-х, отчасти 1970-х и в начале 1980-х годов, когда велись ожесточенные споры относительно терминов «средства массовой информации и пропаганды», «средства массовой информации» или «средства массовой коммуникации»: что «точнее соответствует» политике партии и этапу социалистического строительства в информационной сфере?

Возобладала точка зрения, что понятие коммуникаций не исчерпывается только средствами массовой информации и пропаганды, что понятие СМК шире и включает в себя все виды массо-

вой коммуникации, в том числе и СМИ, которые являются средствами периодического распространения информации, а не только пропаганды. Но случилось это именно тогда, когда начались коренные изменения в политическом и социальном устройстве страны. С лозунгами перестройки и гласности, вместе с реформированием системы, объявленным М.С. Горбачевым и продолженным Б.Н. Ельциным, изменилась не только политическая практика в области информации¹, но и исследовательские парадигмы. Именно тогда, в 90-е годы XX в. и в начале XXI в., в России проходят научные конференции, по итогам которых выпускаются сборники, издаются книги, монографии, учебные пособия и учебники, посвященные изучению коммуникации. Это работы В.М. Березина, С.В. Бориснева, Ю.П. Буданцева, М.А. Василика, Л.М. Земляновой, И.Э. Клюкавина, В.П. Конецкой, М.М. Макарова, Г.С. Мельника, М.М. Назарова, А.В. Назарчука, Г.Г. Почепцова, А.В. Соколова, В.П. Терина, Л.Н. Федотовой, А.И. Черных, Ф.И. Шаркова [см.: Березин, 1996; Березин, 2003; Бориснев, 2003; Буданцев, 1995; Буданцев, 2001; Василик, 2003; Землянова, 1995; Землянова, 1999; Клюкавин, 2010; Конецкая, 1997; Макаров, 2000; Мельник, 1996; Назаров, 2002; Назарчук, 2009; Почепцов, 1998; Соколов, 1996; Терин, 1999; Федотова, 2003; Черных, 2008; Шарков, 2005] и др.

В определенной степени этому способствовали аналитические обзоры ИНИОН «Массовая информация и коммуникация в современном мире», издававшиеся с 1989 г. [Массовая информация... 1989–1999]; создание Российской коммуникативной ассоциации²; проведение международных научно-практических кон-

¹ Именно в начале 90-х издаются законы о СМИ, которые отменяют политическую цензуру; затем появляются, помимо государственных и общественных, частные СМИ, а вместе с Интернетом – и социальные медиа, за журналистами и потребителями их продукции – гражданами – закрепляются специальные права. Л.Н. Тимофеевой в 1992 г. защищена кандидатская диссертация «Альтернативная печать как феномен качественных изменений в политическом процессе России: (середина 80-х – 90-х годов)», впервые обобщившая опыт гражданской журналистики.

² В декабре 2000 г. образована Российская коммуникативная ассоциация (РКА), которая играет большую роль в деле концептуализации коммуникации как области знания, становления и развития коммуникативного образования в России. В этом плане стоит особо отметить проведение РКА совместно с Национальной коммуникативной ассоциацией США на базе Пятигорского государственного лингвистического ун-та двух международных конференций: «Коммуникация:

ференций; появление Вестника Российской коммуникативной ассоциации в 2002 г. [Теория коммуникации... 2007]. В первом его номере помещена статья Ю. Толстиковой-Маст (университет Мемфис, США) и Дж. Кейтон (университет Канзас, Лоуренс, США) «Коммуникация о коммуникации: исследование развития дисциплины “Коммуникация” в России», где представлена одна из версий современной истории становления коммуникативистики в нашей стране с акцентом на роль американских специалистов (что не совсем справедливо по отношению к европейцам). Большую роль в развитии российской коммуникативистики сыграл «мировой оркестр» коммуникативистов – специалистов в области политических коммуникаций, герменевтики, социологии языка, семиотики, политической дискурсии: Х. Арендт, Р. Барта, Дж. Бертона, П. Бурдьё, Х. Вайнриха, Т. Ван Дейка, Д. Говарда, Н. Винера, Л. Витгенштейна, Л. Войтасика, К. Дойча, Д. Кина, П. Лазарсфельда, Г. Лассуэлла, Д. Дж. Лилликера; Ж. Лиотара, Н. Лумана, У. Липпмана, М. Маклюэна, Д. Маккуэйла, Р. Мертона, Дж. Покока, П. Рикера, К. Скенера, Я. Торфина, Ф. Уэбстера, М. Фуко, Ю. Хабермаса, Дж. Цаллера, П. Шампаня [Бурдьё, 2002; Бурдьё, 1994; Социология политики, 1993; Ван Дейк, 1989; Барт, 1983; Бертон, 1992; Вайнрих, 1987; Винер, 2003; Войтасик, 1981; Дойч, 1993; Кин, 1993; Ласвель, 1929; Лиллекер, 2010; Липпман, 2004; Луман, 2002; Маклюэн, 2003; Маклюэн, 2003; Рикер, 2002; Уэбстер, 2004; Фуко, 2002; Фуко, 1994; Хабермас, 1981; Хабермас, 2000; Цаллер, 2004; Шампань, 1997; Arendt, 2005; Bourdieu, 1991; Habermas, 1948; Lazarsfeld, 1948; McQuail, 1994] и др.

На рубеже веков появляются и первые отечественные научные публикации *по проблематике собственно политической коммуникации*. Достаточно привести в качестве примера работы А.Н. Баранова и Ю.Н. Караулова, М.С. Вершинина, М.В. Гавриловой, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Дмитриева, М.Н. Грачева, В.В. Латынова, А.И. Соловьева, А.Т. Хлопьева и др., препарирующие социально-политические отношения с точки зрения двухсторонних политических коммуникаций, языка политики, специальных приемов политического общения [Баранов, Караулов, 1991; Гаврилова, 2008; Грачев, 1999;

Дмитриев, Латынов, Хлопьев, 1996; Дмитриев, 1998; Вершинин, 2001; Политические коммуникации... 2002; Соловьев, 2002 и др.].

С тех пор немало сделано для изучения социологии массовых коммуникаций, средств массовой информации и коммуникации, даже для создания общей теории коммуникации, но не так много – для изучения специфики политических коммуникаций: здесь работа только начинается. Защищено несколько докторских диссертаций [Вершинин, 2001; Гаврилова, 2008; Грачев, 1999; Дмитриев, 1996; Ирхин, 1996; Политическая коммуникация... 2003; Политическая коммуникативистика... 2008; Политические коммуникации... 2004; Политические коммуникации... 2007; Соловьев, 2002 и др.], опубликован ряд монографий, книг и учебных пособий по политическим коммуникациям [Вершинин, 2001; Гаврилова, 2008; Грачев, 1999; Дмитриев, 1996; Ирхин, 1996; Политическая коммуникация... 2003; Политическая коммуникативистика... 2008; Политические коммуникации... 2004; Политические коммуникации... 2007; Соловьев, 2002; Dyczok, 2009]. В ведущих вузах страны, в частности в МГУ, в Санкт-Петербургском гос. ун-те, в Российской академии государственной службы при Президенте РФ (ныне – РАНХиГС), в Томском государственном университете стали читать курсы «Политическая коммуникативистика», «Введение в коммуникативистику».

Важным направлением развития политической коммуникативистики стало изучение разнообразных аспектов функционирования массмедиа в современном обществе. В связи с этим следует отметить масштабный международный проект, реализованный на базе университета Фрибур (Швейцария) «Медиа, свобода и демократия» с участием О.В. Гаман-Голутвиной, которая совместно с канадской коллегой подготовила и опубликовала по итогам проекта коллективную монографию [Dyczok, 2009].

Особая роль в изучении политической коммуникации принадлежит президенту Российской ассоциации политической науки (1996–2001), ныне почетному президенту РАПН М.В. Ильину, который, будучи одним из создателей журнала сообщества политологов «Полис», публиковал, начиная с 1994 г., серию статей под общим названием «Политический дискурс: слова и смыслы...», что стало основой его оригинальной версии концепт-анализа, отчасти представленной в монографии [Слова и смыслы... 1997]. Научные исследования М.В. Ильина в области дискурса и концепт

анализа, его организаторская работа в этом направлении получили международное признание.

В России все увереннее утверждается новое направление в изучении политических коммуникаций, получившее широкую известность на Западе, – политическая дискурсология [Герасимов, Ильин, 2002; Серю, 2001]. Теория дискурса возникла в 70–80-е годы XX в. как интеллектуальный ответ на события «красного мая» 1968 г. в Европе, как критический анализ структуралистских концепций изучения языка, культуры и общества, как попытка предъяснить что-то взамен испытывающей кризис марксистской парадигмы исследования [Carpentier, Servaes, Lie, 2003; Dijk, 1985; Fairclough, 1992; Discourse... 1995; Fairclough, 2003; Analyzing Discourse, 2005; Гаврилова, 2004; Карасик, 2004; Макаров, 2003; Массовая культура... 2003; Мухарьямов, Мухарьямова; Русакова, 2004; Слышкин, 2000; Шейгал, 2004; Гаврилова, 2004; Карасик, 2004; Макаров, 2003; Массовая культура... 2003; Михалева, 2009; Мухарьямов, Мухарьямова, 2003; Олянич, 2007; Русакова, 2004; Слышкин, 2000; Шейгал, 2004 и др.]. Согласно этой теории тексты являются результатом деятельности говорящих и пишущих в определенной социальной ситуации, и в этом смысле соотношение формы и содержания всегда мотивированно. Особое место в этой теории занимает понятие дискурса, определяемого в качестве целостной, социально и политически обусловленной единицы коммуникации. Кроме того, в это время получает развитие новый метод исследования дискурса-анализ. В 2004 г. на русский язык была переведена получившая широкую известность книга Луизы Филлипс и Марианне Йоргенсон «Дискурс-анализ». Теория и метод».

В России на эту тему публикуются статьи, монографии М.В. Гавриловой, В.И. Карасика, М.Л. Макарова, О.Л. Михалевой, Н.М. Мухарьямова, Л.М. Мухарьямовой, А.В. Олянич, О.Ф. Русаковой, Г.Г. Слышкина, Е.И. Шейгал [Гаврилова, 2004; Карасик, 2004; Макаров, 2003; Массовая культура... 2003; Михалева, 2009; Мухарьямов, Мухарьямова, 2003; Олянич, 2007; Русакова, 2004; Слышкин, 2000; Шейгал, 2004] и др. В Волгограде, Екатеринбурге, Казани, Москве, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге постепенно складываются направления, связанные с изучением дискурсологии, проводятся семинары и выходят исследования в области дискурс-анализа. Урал (Екатеринбург) становится своеобразным издательским и научно-исследовательским центром новых направлений в

политической коммуникативистике. В 2001 г. на базе Института философии и права УрО РАН выходит первый номер научно-практического альманаха «Дискурс-пи» (главный редактор О.Ф. Русакова), который становится инициатором общественно-научного движения по развитию дискурсологии как инновационного направления в области социально-гуманитарных теорий и технологий. В декабре 2007 г. создано некоммерческое партнерство «Международная академия дискурс-исследований» (МАДИ), которое выпускает журнал «МАДИ». В 2010 г. на базе УрГПУ появляется журнал «Политическая лингвистика» (главный редактор – А.П. Чудинов). Вокруг него собирается интересное сообщество политических лингвистов. В Казани (Татарстан) плодотворно работают политические лингвисты Н.М. Мухарьямов, Л.М. Мухарьямова, в Санкт-Петербурге – М.В. Гаврилова и др.

Свои ассоциации и исследовательские комитеты в России создают специалисты в области рекламы, связей с общественностью (PR), связи с государством (GR), журналистики и других сопредельных видов коммуникации.

Поистине революционным прорывом в изучении политических коммуникаций стали научные публикации в области изучения Интернета. В середине 1990-х годов развитие технологий привело к созданию наиболее развитой частью человечества того самого «информационного общества», о котором на протяжении последних десятилетий так много говорили, что перестали воспринимать его всерьез [Тимофеева, Лобза, 2003, с. 8]. Сложность и необычность новой эпохи потребовали глубокого осмысления происходящих изменений. Это тема не только чисто академического, научного интереса, но, если говорить о сегодняшней России, и в немалой степени ее дальнейшей судьбы.

Интернет не только становится средством массовой коммуникации, но и образует новую область социального и политического взаимодействия, влекущего за собой изменения и в реальных областях жизни человека – в менталитете, организационных структурах, характере человеческой деятельности и образа жизни. Особенно это касается трансформации отношений внутри государства и гражданского общества.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов исследователи анализировали состояние политического сегмента российского Интернета, рассматривали количественные показатели распространения новых

коммуникаций в Интернете; характеристики и особенности Интернет-аудитории; политические требования и интересы этой аудитории; позицию государства и его политику в Интернете. Сегодня, когда на наших глазах социальные сети в Интернете «творят чудеса в различных странах мира в прямом и переносном смысле: от поиска потерявшихся людей, остановки вырубки реликтового леса до участия в революциях, изучение возможностей новых коммуникаций в политике и гражданской сфере становится делом насущным» [Бондаренко, 2011; Бондаренко, 2005; Бондаренко, 2004; Вершинин, 2001; Овчинников, 2002; Кулик, 2003; Чугунов, 2000; Попков, Тищенко, 2004; Чумиков, Бочаров, Тишкова, 2010; Ющук, 2008 и др.].

Большой пласт научной литературы по проблемам политических коммуникаций традиционно посвящается исследованию средств массовой информации, политической рекламе и пропаганде, современному состоянию российской журналистики, а также сравнительно новым темам в коммуникативистике – политическим и государственным связям с общественностью [Связи с общественностью... 2001; Комаровский, 2003; Управление общественными отношениями... 2009; Чумиков, Бочаров, 2012], связям с государством¹, политическому маркетингу [Морозова, 1999 и др.], информационным и гибридным войнам, манипулятивным информационным технологиям, юмору и скандалу в политике, языку политической коммуникации, в том числе политической семиотике, политической герменевтике и т.д. Появилось новое направление исследований, связанное с коммуникацией в социальных сетях. Его активно развивают в Санкт-Петербургском и Кубанском государственных университетах (Л.В. Сморгунов, И.В. Мирошниченко, Е.В. Морозова, А.С. Шерстобитов и др.) [Мирошниченко, Морозова, 2008; Сморгунов, Шерстобитов, 2014 и др.].

Необходимость институционализации политической коммуникативистики побудила российских ученых, членов РАПН, создать в июне 2008 г. Исследовательский комитет по политической коммуникативистике. Он был создан в стенах Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации (ныне РАНХиГС) на кафедре политологии и политического

¹ В 2012 г. благодаря усилиям членов РАПН вышло первое в России учебное пособие [GR-связи... 2012].

управления совместно с коллегами-учеными из МГУ (факультет госуправления) и РУДН¹. Благодаря его деятельности в «Полисе» в 2009 г. под рубрикой «Субдисциплина» опубликованы статьи членов ИК Л.Н. Тимофеевой, А.Н. Чумикова, А.В. Шевченко, конституирующие новое направление российских исследований – политическую коммуникативистику, а затем в 2012 г. вышла первая монография под эгидой РАПН «Политическая коммуникативистика; теория, методология и практика» (РОССПЭН).

Таким образом, можно констатировать, что и в России начата и продолжается работа по институционализации политической коммуникативистики. Об этом свидетельствует интерес к теме среди молодых ученых. В частности, недавно защищенная кандидатская диссертация С.В. Лебедева на тему «Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки» – одна из первых серьезных работ, поставившая своей целью определить место политической коммуникативистики в структуре российской политической науки, проанализировать теоретико-методологическое пространство современной политической коммуникативистики и этапов ее развития в отдельных странах и в России. Некоторые ее положения использованы в данной статье.

Заключение

Политические коммуникации превратились сегодня в эффективное средство конструирования политической реальности. Они многое определяют в современном мире, в России. Однако мы ощущаем явное отставание теоретического изучения этого феномена от реальных масштабов их места в политической практике.

Хотя в России и в мире в последние годы немало делается для институционализации политической коммуникативистики, однако до сих пор не решен ряд проблем, связанных с ее объектом – теорией политической коммуникации – и ее многосоставным предметом – разнообразными практиками политической коммуни-

¹ По итогам заседаний Исследовательского комитета по политической коммуникативистике изданы материалы: [Политическая коммуникативистика... 2008; Власть как политическая коммуникация... 2010; Политические коммуникации... 2013 и др.].

кации. Проблемой является и отсутствие конвенционального понятийного и категориального аппарата политической коммуникативистики. Кроме того, стремительное развитие ее отраслей заставляет решить, в каком «родстве» или подчинении ей находятся такие быстро набирающие популярность субдисциплины, как «политическая медиалогия», «политическая дискурсология» и т.д.

Список литературы

- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н.* Русская политическая метафора: Материалы к словарю. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – 193 с.
- Барт Р.* Нулевая степень письмо // Семиотика: Антология / Сост. Ю.С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
- Березин В.М.* Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия. – М.: Изд. РИП – холдинг, 2003. – 157 с.
- Березин В.М.* Теория массовой коммуникации. – М., 1996. – 142 с.
- Бертон Дж.* Конфликт и коммуникация // Социально-гуманитарные знания. – М., 1992. – № 2. – С. 34–45.
- Бориснёв С.В.* Социология коммуникации: Учебное пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 270 с.
- Буданцев Ю.П.* Массовая коммуникация // Эффективная коммуникация: история, теория, практика: Словарь-справочник / Отв. ред. М.И. Панов; сост. М.И. Панов, Л.Е. Тумина. – М., 2005. – С. 681–682.
- Буданцев Ю.П.* Парадигма массовой коммуникации. – М., 2001. – 290 с.
- Буданцев Ю.П.* Социология массовой коммуникации: Учебное пособие. – М.: МНЭПУ, 1995. – 112 с.
- Бурдые П.* О телевидении и журналистике / Пер. с фр. Т.В. Анисимовой и Ю.В. Марковой; Отв. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры»: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 159 с.
- Бурдые П.* Социология политики / Пер. с фр.; Сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
- Вайнрих Х.* Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / Пер. с нем. Е.Г. Казакевич; Сост. В.М. Сергеева и П.Б. Паршина; Общ. ред. В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1987. – 464 с.
- Ван Дейк Т.* Язык. Познание. Коммуникация. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
- Василькова В.В.* Междисциплинарность как когнитивная практика (на примере становления коммуникативной теории): Коммуникация и образование: Сб. статей / Под ред. С.И. Дудника. – СПб., 2004. – 448 с.
- Вершинин М.С.* Политическая коммуникация в информационном обществе. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. – 256 с.
- Винер Н.* Человек управляющий. – СПб.: Питер, 2001. – 288 с.

- Винер Н. Творец и Будущее. – М.: Изд-во АСТ, 2003. – 736 с.
- Власть как политическая коммуникация: Материалы методологического семинара. Москва, 19 мая 2009 г. / Отв. ред. Л.Н. Тимофеева. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 54 с.
- Войтасик Л. Психология политической пропаганды. – М., 1981. – 277 с.
- Гаврилова М.В. Политическая коммуникация XX в. – СПб.: Невский институт языка и культуры, 2008. – 92 с.
- Грачев М.Н. Политика, политическая система, политическая коммуникация. – М.: НОУ МЭЛИ, 1999. – 328 с.
- Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития: Монография. – М.: Прометей, 2004. – 328 с.
- Дмитриев А.В., Латынов В.В., Хлопов А.Т. Неформальная политическая коммуникация. – М.: РОСПЭН, 1996. – 197 с.
- Дмитриев А.В. Социология политического юмора: Очерки. – М.: РОСПЭН, 1998. – 332 с.
- Дойч К. Нервы управления. Модель политической коммуникации. – М.: Наука, 1993–124 с.
- Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2001. – 380 с.
- Землянова Л.М. Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества: Толковый словарь терминов и концепций. – М.: Изд-во МГУ, 1999. – 301 с.
- Землянова Л.М. Современная американская коммуникативистика: теоретические концепции, проблемы. Прогнозы. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 271 с.
- Кин Д. Демократия и декаданс медиа / Пер. с англ. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. – М., 2015. – 312 с.
- Кин Д. Средства массовой информации и демократия / Пер. с англ. – М.: Памятники ист. мысли, 1993. – 167 с.
- Клюкавин И.Э. Коммуникативный Универсум. – М.: РОССПЭН., 2010. – 256 с.
- Конецкая В.П. Социология коммуникации: Учебник. – М.: Международный ун-т бизнеса и управления, 1997. – 304 с.
- Крейг Р.Т. Теория коммуникации как область знания – Компаративистика III: Альманах сравнительных социогуманитарных исследований / Под ред. Л.А. Вербицкой, В.В. Васильковой, В.В. Козловского, Н.Г. Скворцова. – СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2003. – 408 с.
- Кули Ч. Общественная организация: Тексты по истории социологии XIX–XX вв.: Хрестоматия. – М.: Наука, 1994. – 383 с.
- Ласвель Г. Техника пропаганды в мировой войне. – М.; Л., 1929. – 200 с.
- Лебедев С.В. Современная коммуникативистика в структуре российской политической науки: Дисс. ... канд. полит. наук по специальности: 23.00.01. – М.: МГУ, 2012. – 201 с.
- Лиллекер Д.Дж. Политическая коммуникация. Ключевые концепты / Пер. с англ. С.И. Остенок – Хабаровск: Гуманитарный центр, 2010. – 297 с.
- Литман У. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
- Луман Н. Власть / Пер. с нем. – М.: Практис, 2001. – 256 с.
- Луман Н. Реальность массмедиа / Пер. с нем. – М.: Практис, 2005. – 256 с.

- Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; Закл. ст. М. Вавилова. – М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц»: «Кучково поле», 2003. – 464 с.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры. – Киев: «Ника-Центр», 2003. – 432 с.
- Макаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 168 с.
- Массовая информация и коммуникация в современном мире: Реф. сб. / АН СССР. ИНИОН, МГУ им. М.В. Ломоносова. Фак. журналистики; Отв. ред. И.А. Федякин и др. – М., 1989–1999. – 114 с.
- Мельник Г.С. Mass-media: психологические процессы и эффекты. – СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т, 1996. – 159 с.
- Назаров М.М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 240 с.
- Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 320 с.
- Основы теории коммуникации: Учебник / Под ред. М.А. Василика. – М.: Гардарики, 2003. – 615 с.
- Политическая коммуникативистика: теория, методология и практика / Под ред. Л.Н. Тимофеевой. – М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН): Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. – 328 с.
- Политическая коммуникативистика: проблемы предметного позиционирования: Материалы методологического семинара. Москва. 17 июня 2008 г. / Отв. ред. Л.Н. Тимофеева. – М.: Изд-во РАГС, 2008. – 66 с.
- Политические коммуникации: Учебное пособие / Ю.Ю. Петрунин и др.; под ред. А.И. Соловьева. – М.: Аспект Пресс, 2004. – 332 с.
- Политическая коммуникация в постсоветской России: Проблемы формирования и парадигмы развития: Материалы секции «Политическая коммуникация» Третьего всероссийского конгресса политологов. 28–29 апреля 2003 г. / Под ред. Л.Н. Тимофеевой, Е.В. Лобзы – М.; Улан-Удэ: ОАО «Республиканская типография», 2003. – 336 с.
- Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации (от речей президентов до переговоров с террористами). – М.: Изд-во Центр, 1998. – 656 с.
- Разуваев В.В. Политический смех в современной России. – М.: ГУ – ВШЭ, 2002. – 264 с.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике / Пер. с фр. – М., 2002. – 697 с.
- Соколов А.В. Введение в теорию социальной коммуникации. – СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т, 1996. – 320 с.
- Соловьев А.И. Политическая коммуникация: к проблеме теоретической идентификации // Полис: Политические исследования. – М., 2002. – № 3. – С. 5–18.
- Теория коммуникации & прикладная коммуникация: Вестник Российской коммуникативной ассоциации / Под общей редакцией И.Н. Розиной. – Ростов н/Д: ИУБиП, 2004. – Вып. 1. – 200 с.

- Терин В.П. Массовая коммуникация. Социокультурные аспекты политического воздействия. Исследование опыта Запада. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 1999. – 145 с.
- Тимофеева Л.Н. Политическая коммуникативистика: проблемы развития // Полис: Политические исследования. – М., 2009. – № 5. – С. 41–54.
- Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Пер. с англ. – М.: У-Фактория, 2004. – 328 с.
- Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: теория и практика. – СПб.: Питер, 2003. – 400 с.
- Федотова Л.Н. Социология массовой коммуникации: Учебник для вузов. – 4-е изд. – М.: Изд. дом Международного ун-та в Москве, 2009. – 832 с.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с фр. – М.: Практика, 2002. – 384 с.
- Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия. – М., 1981. – Т. 1: Рациональность действия и общественная рационализация / Пер. с нем. – 246 с.
- Цаллер Дж. Происхождение и природа общественного мнения. – М.: ИФ Общественное мнение, 2004. – 559 с.
- Черных А.И. Социология массовых коммуникаций: Учебное пособие. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ Москва, 2008. – 451 с.
- Чумиков А.Н. Государственный PR: связи с общественностью для государственных организаций и проектов / А.Н. Чумиков, М.А. Бочаров. – М.: Инфра-М, 2012. – 330 с.
- Шарков Ф.И. Коммуникология. Социология массовых коммуникаций. – М., 2005. – 304 с.
- Шампань П. Делать мнение: Новая политическая игра / Пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1997. – 317 с.
- Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 326 с.
- Albert P. Evolution des études sur la presse // Les origines des sciences de l'information et de la communication: Regards croisés / R. Boure (Ed.). – Vielleneuve d'Ascq: Presses univ. de Septentrion, 2001. – P. 35–41.
- Arendt H. Communicative power // Power / Ed. by S. Lukes. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1986. – P. 59–74.
- Barton A.H. Paul Lazarsfeld and the invention of the University Institute for applied social research in Burkhart Holzner and Jiri Nehnevajsa: Organizing for social research. – Cambridge: Schenkman publishing Co., 1982. – 430 p.
- Bourdieu P. Language and symbolic power. – Cambridge: Polity press, 1991. – 291 p.
- Cooley Ch.H. The Significance of communication // Reader in Public Opinion and Communication / Ed. by B. Berelson, M. Janowitz. – N.Y., 1953. – 149 p.
- Dahl R. Power as the Control of Behavior // Power / Ed. by S. Lukes. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1986. – P. 37–58.
- Delia J.G. Communication research: A history // Handbook of communication science / C. Berger, S. Chaffee (eds.). – L.: Sage, 1987. – 541 p.
- Dennis E. The Media society, evidence about mass communication in America. – Dubluque, Iowa: William C. Brown Co., 1978. – 142 p.
- Deutsch K. The Nerves of government: Models of political communication and control. – N.Y.: Free press, 1963. – 316 p.

- Discourse theory in European politics. Identity, policy and governance / Ed. by D. Howarth, J. Torfing. – L., 2005. – 320 p.
- Escarpit R., Meyriat J. Les fondateurs de la SFSIC // Entretien avec Jean Dèveze et Anne-Marie Laulan. – Paris: SFSIC, 1977. – 274 p.
- Gritti J. Les années Cinquante dans les recherches en communication // Recherches en communication. – Paris, 1999. – N 11. – P. 21–42.
- Habermas J. Hanna Arendt's communications concept of power // Power / Ed. by S. Lukes. – N.Y.: N.Y. univ. press, 1986. – P. 75–93.
- Hardt H. Am Vergessen Scheitern: Essay zur historischen Identität der Publizistikwissenschaft. – Wien: Medien & Zeit, 2002. – Vol. 17, N 2–3. S. 36–48.
- Katz E. Communication research since Lazarsfeld // Public opinion quarterly. – Oxford, 1987. – Vol. 51, N 4. – P. 24–25.
- Laitko H. Disziplingeschichte und Disziplinverständnis // Disziplinen im Kontext. Perspektiven der Disziplingeschichtsschreibung / V. Peckhaus, C. Thiel (eds). – München: Wilhelm Fink, 1999. – S. 21–60.
- Lasswell H. Propaganda technique in the World War. – L.: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co, 1927. – 244 p.
- Lasswell H. Structure and function of communication in society // The Communication of ideas / Ed. by J. Bryson. – N.Y.: The Free press, 1948. – P. 117–129.
- Lasswell H.D. The Theory of political propaganda // Reader in public opinion and communication / Ed. by B. Berelson, M. Janowitz. – Glencoe: Free press, 1953. – P. 299–309.
- The people's choice // P.F. Lazarsfeld et al. – N.Y., 1969. – 187 p.
- Lazarsfeld P., Berelson B., Gaudet H. The People's choice: How the voter makes up his mind in a presidential campaign. – 3 rd ed. – N.Y.: Columbia univ. press, 1968. – 178 p.
- Lazarsfeld P., Merton R. Mass communication, popular taste and organized social action // The Communication of ideas / Ed. by L. Bryson. – N.Y., 1948. – P. 95–118.
- Lippmann W. Public Opinion. – New Brunswick: Macmillan Co., 1922. – 384 p.
- Loblich M.G. Publizistikwissenschaft and its Shift from a humanistic to an empirical social scientific discipline // European journal of communication. – L., 2007. – Vol. 22, N 1. – P. 72–82.
- McQuail D. Mass communication and public interest: towards social theory for media structure and performance // Communication theory today / D. Crowley, D. Mitchell. – Cambridge: Polity press, 1994. – P. 241–254.
- Meadow R.G. Politics as communication. – Norwood: Ablex publ. co., 1980. – 269 p.
- Mercier A. Institutionnalisation de la profession de journaliste // Hermès. – L., 1999. – N 14. – P. 219–235.
- Meyen M. Ich habe dieses Fach erfunden // Wie die Kommunikationswissenschaft an die deutschsprachigen Universitäten kam. 19 biographische Interviews / M. Meyen, M. Loblich. – Köln: Halem, 2007. – 484 S.
- Miège B. La pensée communicationnelle. – Paris: Presses univ. de Grenoble, 1995. – 128 p.
- Mucchielli A. La nouvelle communication. – Paris: Armand Colin, 2004. – 180 p.
- Münzner G. Öffentliche Meinung und Presse: eine sozialwissenschaftliche Studie. Karlsruhe: Braun, 1928. – 336 S.

- Politics of the developing areas / Ed. by G.A. Almond, J.S. Coleman. – Princeton: Princeton univ. press, 1960. – 610 p.
- Puustinen L.* Mapping media and communication research: France. – Helsinki: Univ. of Helsinki, 2005. – 47 p.
- Rincé J.-Y.* Le minitel. – Paris: PUF, 1990. – 340 p.
- Traub H.* Von Zeitungsviesen und Zeitunglesen. – Dessau: Dessau press, 1928. – 232 s.
- Vom Bruch R.* Zeitungswissenschaft zwischen Historie und Nationalökonomie. Ein Beitrag zur Vorgeschichte der Publizistik als Wissenschaft im späten deutschen Kaiserreich // Publizistik. – Berlin, 1980. – N 25. – S. 579–605.